

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТѢ.

(Посвящается русской национальной молодежи).

Первое, что необходимо усвоить, приступая къ политической работѣ, это то, что она требуетъ особой умственной и волевой подготовки. Эта подготовка нужна всегда, при всякихъ условіяхъ; но она пріобрѣтаетъ совершенно исключительное значеніе въ эпоху революціи и борьбы съ нею. Къ сожалѣнію, люди не понимаютъ этого: они обучаются ремесламъ, изучаютъ разныя игры, предаются спортивнымъ упражненіямъ, но къ политикѣ и политической борьбѣ приступаютъ безъ всякой подготовки, какъ если бы тутъ все было ясно, просто и доступно. Какое легкомысліе! И какой вредъ въ результатѣ...

Политика есть, можетъ быть, самое отвѣтственное дѣло человѣческое. Ибо въ религіи, въ наукѣ, въ искусствѣ — человѣкъ, если ошибается, то ошибается самъ и развѣ толькос уговариваетъ другихъ ошибиться вмѣстѣ съ нимъ; тогда какъ въ политикѣ человѣкъ заставляетъ другихъ поступать именно такъ, а не иначе, и нерѣдко превращаетъ свою ошибку въ судьбу цѣлаго народа. Вотъ почему чувство отвѣтственности и добросовѣстность — суть первыя условія для занятія политикой. Надо прежде всего разобратся въ самомъ себѣ, узнать свои силы и слабости, установить границы своихъ знаній и умѣній — и потомъ рѣшить, можно ли мнѣ, позволительно ли мнѣ съ такимъ личнымъ багажомъ приступать къ политической дѣятельности.

Такъ, для политики нужна прежде всего религиозная сила характера и вѣрность своимъ убѣжденіямъ. Что создастъ въ политикѣ человѣкъ, который ни во что не вѣруеть, ничего до конца не любитъ и жизнью своею не рискнетъ ни при какихъ условіяхъ? Вѣдь это — готовый

перевѣзчикъ... И что натворить въ политикѣ человекъ, который ни въ чемъ не убѣжденъ и потому не отличаетъ честности отъ подлости и добра отъ зла? Вѣдь это — готовый предатель...

Для политики необходима воля, умѣющая рѣшать, приказывать и заставлять. Чего же можно ждать отъ человека безвольнаго, нерѣшительнаго, боящагося приказать или «принципially отрицательнаго (всякое принужденіе)? Взвѣсившись за власть, онъ становится всенароднымъ обманщикомъ, ибо всѣ съ полнымъ основаніемъ ждутъ отъ него спасительныхъ распоряженій, которыя онъ обязался давать, но не дастъ; онъ становится сѣятелемъ беспорядка и смуты, политической язвою своего государства, погубителемъ своей страны...

Для политики нужно знаніе хозяйственныхъ и социальныхъ законовъ и вѣрное прозрѣніе цѣлей и средствъ, строящихъ мою родину въ данную эпоху. Что же дастъ наивный невѣжда, ставъ у власти? Рядъ бессмысленныхъ и гибельныхъ распоряженій, вродѣ отмены частной собственности или принужденія всѣхъ людей къ физическому труду... Что дастъ правитель, лишенный политической интуиціи, не видящій национальныхъ цѣлей и готовый узаконить самые гибельные пути и самыя ядовитыя средства? Хаосъ и гибель...

Для политики необходимо умѣніе выбирать людей, искусство читать въ сердцахъ. умѣніе довѣрять и не довѣрять, искусство давать каждому работу по силамъ и извлекать изъ всѣхъ самое лучшее; это есть организационный даръ. Что же создастъ политикъ, довѣряющій каждому льстецу, или постоянно окружающій себя карьеристами и предателями, или неспособный отличить волевого человека отъ безвольнаго, умнаго отъ глупаго, искренняго отъ провокатора? Онъ подчинитъ себя и свою власть негодьямъ, унизитъ и срамитъ себя и погубитъ свою страну.

Ясно, что политика требуетъ особыхъ духовныхъ силъ и особой уметвенной и волевой подготовки. Не всякому человеку даны эти духовныя силы и не такъ легко приобрѣтается эта подготовка. Можно быть сноснымъ адвокатомъ, усерднымъ ученымъ, способнымъ агрономомъ и храбрымъ офицеромъ. — и ничего не понимать въ политикѣ; и только сила самосознанія, скромность и чувство ответственности могутъ

спасти такого человѣка отъ фальшивыхъ, вредныхъ и постыдныхъ положеній.

Если такъ обстоитъ въ нормальное время, то что же сказать о революціи? Революція есть эпоха, когда въ массахъ заболѣваетъ здоровый инстинктъ общественности; когда люди повертываются другъ къ другу и къ власти злыми, завистливыми, своевольными и агрессивными сторонами своей души; когда всякіе правовые уклады нарушаются и всѣ начинаютъ посягать. Тогда политическая дѣятельность становится затруднительною, какъ никогда: нужна особая сила характера и убѣжденій, особая крѣпость воли, особая дальновидность, особая прозорливость по отношенію къ людямъ для того, чтобы быть на высотѣ въ такую эпоху. Но именно въ такіе-то періоды люди поддаются обостренному соблазну политическаго авантюризма; и всѣ начинаютъ тѣсниться къ власти и распоряжаться съ какимъ-то унесеннымъ легкомысліемъ и полной безотвѣтственностью. Исчезновеніе законной власти и спорность всякой незаконной власти развязываютъ своеволіе во всѣхъ душахъ, въ каждой по своему. Рѣдкій человѣкъ остается незатронутымъ этою заразою: и все различіе въ томъ, что у однихъ эта зараза выражается въ чувствѣ «я не обязанъ никому подчиняться», а у другихъ въ чувствѣ «я призванъ всѣми распоряжаться».

Понятно, что въ такіе періоды о реальной подготовкѣ къ политической дѣятельности никто и не думаетъ; всѣ выбѣгаютъ какъ на пожаръ, всѣ говорятъ наобумъ и дѣйствуютъ какъ попало. А между тѣмъ именно въ такіе періоды, какъ никогда, необходимо объективное наблюденіе, спокойная и замкнутая сосредоточенность, и, главное, внутреннее, духовное подготовленіе себя къ борьбѣ. Это относится особенно къ тѣмъ партіямъ и группамъ, которыя бываютъ вынуждены вести борьбу въ политическомъ подпольѣ или на такъ называемомъ нелегальномъ положеніи.

Человѣкъ всегда имѣетъ извѣстныя основанія не довѣрять каждому случайному собесѣднику и не раскрывать свою душу первому встрѣчному. Недоступность личной души другимъ людямъ есть великое благо, данное намъ отъ природы; и, если бы это благо было отнято у насъ, то мы всѣ навѣрное возненавидѣли бы другъ друга или сошли бы съ ума. Политическая борьба покоится прежде всего на умѣннн до вѣ р я т ь

кому надо и не до вѣрять кому не надо. Зоркое и вѣрное распознаваніе людей есть азбука политики; и человекъ, раза два крѣшко обманувшійся въ людяхъ, напр., повѣрившій предателю или упустившій вѣрнаго и сильнаго союзника — долженъ признать свое политическое неумѣніе и отойти отъ дѣлъ для предварительной подготовки (если она ему вообще доступна).

Человекъ, желающій заниматься политикой, долженъ выработать въ себѣ прежде всего силу воли.

Прежде всего — силу воли; ибо она нужна не только для того, чтобы дѣйствовать, но уже для того, чтобы подготовить себя къ будущей политической дѣятельности.

Политика есть вообще дѣло воли, такъ, какъ искусство есть дѣло чувства и воображенія, а наука — дѣло мысли и наблюденія. Людямъ нерѣшительнымъ, колеблющимся, робкимъ, склоннымъ къ рефлексіи и самоглотанію — лучше воздерживаться отъ политической дѣятельности за отсутствіемъ у нихъ соответствующаго органа. И всюду, гдѣ такіе люди, поддаваясь тщеславію и честолюбію, вмѣшиваются въ политику — они приносятъ обычно много вреда. При этомъ волю отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ порывистой эмоціональностью, съ истерической крикливостью и суетливостью или съ хитрой и изворотливой пролазливостью. Признаки волевого человека надо разъ навсегда продумать и усвоить, съ тѣмъ, чтобы провѣрить ими сначала себя самого, а потомъ увѣренно распознавать другихъ.

О чемъ бы ни шла рѣчь, каково бы ни было жизненное положеніе, волевой человекъ успокаивается только тогда, когда въ его душѣ сложится отвѣтъ на вопросъ: какъ дальше быть? что дальше дѣлать? Ему мало понять то, что есть; ему неинтересно вообразить то, что могло бы быть; ему часто некогда почувствовать, кто и что «переживаетъ» или «перезживалъ»; ему мало сообразить, что «должно» бы было быть въ прошломъ. Онъ смотритъ въ будущее; и не для того, чтобы только предвидѣть его, а для того, чтобы рѣшить, гдѣ и въ чемъ онъ самъ повліяетъ на него. Онъ всегда занятъ тѣмъ, чтобы повліять на будущее, измѣнить его, заставить его быть такимъ, а не другимъ. Онъ не любитъ того, что ему дано; онъ всегда ищетъ того, что задано; и особенно любитъ то,

что онъ самъ сдѣлаетъ, что онъ совершитъ. И въ маломъ, и въ большомъ — онъ заряженъ всегда своимъ будущимъ дѣйствіемъ.

Волевой человѣкъ чувствуетъ въ самомъ себѣ нѣкую движущую силу; и поэтому ему естественно разсматривать всѣ жизненные вопросы съ точки зрѣнія силовой. Жить значить для него бороться и одолевать. Одолевать — значить собирать силы для новаго одолеванія. Борьба не утомляетъ его. Безъ борьбы онъ томится и тоскуетъ; она ему какъ бы «причитается» въ жизни; и если ея нѣтъ, то онъ замѣняетъ ее какими-нибудь внутренними, душевными или духовными заданіями, усиліями и одолеваніями.

Волевой человѣкъ упорядочиваетъ. Но не тѣмъ, что приводитъ въ состояніе покоя; онъ упорядочиваетъ движеніе и въ движеніи. Покой гнететъ его. Ему нуженъ не мыслимый порядокъ (логика), и не созерцаемый порядокъ (геометрія), а творимый порядокъ; и притомъ — творимый имъ самимъ. Ему важно двигать, давать мѣру, творить форму, распорядиться и организовывать. Ему нужна власть; и это естественно: потому что онъ и рожденъ для власти.

Волевой человѣкъ можетъ быть въ затрудненіи и даже въ нерѣшительности. Но это рѣдко длится; а если длится, то это никогда не бываетъ безплодно; и пока это длится, ему тяжело, ибо онъ не умѣетъ ни наслаждаться проблематической нерѣшительностью, ни укрываться за нею. Волевой человѣкъ, если онъ неумелъ и морально низокъ — упрощаетъ и огрубляетъ всѣ жизненные проблемы. Но если онъ уменъ и нравственно чутокъ, то всякая жизненная проблема и даже самая сложная — выходитъ отъ него въ состояніи творчески-спасительной организованности. Это понятно, — потому что нравственность и жизненность суть въ глубокомъ измѣреніи одно и то же.

Но если волевому человѣку не свойственно безплодное колебаніе, то зато ему въ высшей степени естественно и легко держаться однажды избранной линіи и выдерживать ее до конца. Это человѣкъ не короткихъ порывовъ, а долгихъ поворотовъ; не просто человѣкъ поступковъ, а человѣкъ плана, активной системы, выдержаннаго строительства. Это не значить, что всякое принятое

рѣшеніе каменѣетъ въ его душѣ, что онъ становится его послушнымъ механизмомъ или рабомъ. Воля и упрямство не одно и то же; только упрямцу свойственна слѣпая и неразумная настойчивость; тогда какъ къ самой сущности воли относится ея независимость отъ ея собственныхъ рѣшеній. У волевого человѣка — рѣшеніе есть продуктъ воли, а воля остается хозяиномъ рѣшенія; тогда какъ упрямый человѣкъ старается поддержать свою слабую волю механически-непоколебимыми рѣшеніями и самъ незамѣтно становится ихъ рабомъ. Поэтому волевой человѣкъ властенъ надъ своими рѣшеніями: онъ воленъ всегда сохранить ихъ и пересмотрѣть ихъ. Но въ томъ рѣшеніи своемъ, которое онъ не пересмотрѣлъ и которое онъ поддерживаетъ, онъ присутствуетъ всю энергію своей воли, насыщая его творческою и нерѣдко стремительною динамикю. И эта вѣрность принятому рѣшенію не тяжела ему. Это настолько характерно для волевого человѣка, что можно сказать и обратно: тотъ не волевой человѣкъ, кому несвойственно или кому трудно держаться однажды избраннаго плана или однажды рѣшенной линіи поведенія.

Будучи самъ силою, волевой человѣкъ и другихъ людей воспринимаетъ, какъ извѣстные динамические центры. Иногда онъ, самъ того не замѣчая, въ душѣ слегка презираетъ безвольныхъ людей («кисляевъ»); и можно съ увѣренностью сказать, что онъ практически не признаетъ за ними настоящей реальности. Для него реаленъ тотъ, кто встрѣчаетъ проявленія его силы отвѣтною силою. Онъ можетъ стать его врагомъ или его союзникомъ; но реальностью онъ останется для него до конца. И если онъ найдетъ въ немъ союзника, то главною заботою его будетъ установленіе взаимной оубординачіи и координаціи силъ, выясненіе совмѣстнаго будущаго дѣйствія, распределеніе полномочій и обязанностей, т. е. созданіе динамической организаціи.

Я описалъ человѣка съ большою и сильною волею. Она не у всѣхъ волевыхъ людей выражена такъ ярко. Но по этимъ яркимъ признакамъ всякій сумѣетъ распознать себя и опредѣлить другихъ.

Большая воля — есть даръ. Если она дана низкому и злому человѣку, то она можетъ стать несчастіемъ окружающихъ или даже цѣлой страны. Но если ею одаренъ человѣкъ

съ творческимъ умомъ и благородною душою, то мы имѣемъ дѣло съ волевою геніальностью, которая можетъ дать счастье цѣлому народу. Всѣ великіе политики были такими людьми, отъ императора Августа и Фридриха Великаго до Петра Великаго, Бисмарка и Столыпина. И понятно, что въ эпохи смуты и развала вся страна начинаетъ мечтать о такомъ человѣкѣ.

Необходимо однако установить, что вся энергія такого большого политика можетъ разбиться и не принести надлежащаго плода, если онъ останется одинокимъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ безвольною, деморализованною или даже преступною толпою. Никто не можетъ одолжить свою волю другому; никто не можетъ заставить окружающихъ людей стать волевыми и порядочными дѣятелями. Волевому вождю необходимъ волевой кадръ; и если онъ не найдетъся въ странѣ или будетъ слагаться слишкомъ медленно, то судьба можетъ пойти мимо великой волевой возможности и не допустить ее до плодоношенія. Именно такова была участь Столыпина.

Не всякому дана отъ природы сильная воля. Но трудно допустить, что есть люди отъ природы лишеныя воли совсѣмъ, такъ, что имъ, собственно говоря, ни укрѣплять, ни развивать въ себѣ нечего. Одному дается больше, другому меньше. Одному развить волю легче, другому — труднѣе. Но наличный запасъ воли можетъ быть укрѣпленъ и развитъ у каждаго человѣка. Это дѣло внутренней работы. Безплодно возражать тому, кто скажетъ, что «для развитія воли уже нужна сильная воля, а тогда ее нечего и развивать». Это бесплодная діалектика; и тотъ, кто къ ней склоненъ, навѣрное имѣетъ слабую волю и большую лѣнь. Ему надо посоветовать — воздерживаться отъ участія въ политикѣ и лѣнливо примириться со слабостью своей воли.

Внутренняя работа надъ своею волею возможна и необходима. И каждый русскій патриотъ, понимающій, что нашему поколѣнію не уйти отъ политической работы и государственнаго служенія, долженъ приступить къ этой внутренней работѣ.

Тутъ не надо начинать съ большихъ и трудныхъ задачъ. Лучше начинать съ небольшого. И прежде всего вѣрно распознать самого себя въ смыслѣ волевой силы и научиться

распознавать другихъ. При этомъ хорошо бываетъ провѣрять себя совмѣстно и взаимно съ нѣсколькими друзьями и единомышленниками.

Далѣе, надо твердо усвоить обычай — всегда и во всемъ, во всѣхъ жизненныхъ положеніяхъ и бесѣдахъ ставить передъ собою вопросъ о томъ, что же надо дѣлать? Не слѣдуетъ задавать его беспомощно вслухъ, обременяя другихъ своею беспомощностью; но держать его молча передъ своимъ сознаніемъ, самостоятельно, про себя добиваясь отвѣта; и только добившись его для себя и про себя — ставить его вслухъ и обсуждать совмѣстно. Надо приучить себя къ волевому разсматриванію жизненныхъ вопросовъ, но съ тѣмъ, чтобы всегда хотя бы часть своихъ выводовъ непосредственно осуществлять на дѣлѣ.

Затѣмъ надо поставить себѣ нѣсколько реальныхъ жизненныхъ заданій, не безразличныхъ для сердца, отнюдь не случайно и не механически выбранныхъ. Надо взять одно главное заданіе, требующее сроковъ и долгой работы — и спуститься отъ него къ нѣсколькимъ болѣе мелкимъ задачамъ, подчиненнымъ ему такъ, какъ средства подчинены цѣли; и на нихъ сосредоточиться. Главное заданіе должно быть любимымъ и страстно желаннымъ. Этотъ зарядъ желанности естественно перенесется и на подчиненныя задачи. Надо закрѣпить его за ними такъ, чтобы трудное стало легкимъ, горькое — незамѣтнымъ, противное — безразличнымъ; и затѣмъ превращать эти задачи — одну за другой — въ нестрашныя препятствія, преодолеваемыя по выработанному плану. Чувство удовлетворенія отъ побѣды надо использовать, какъ благопріятный знакъ и побужденіе къ дальнѣйшему. Задачи могутъ становиться все болѣе сложными. На четвертой задачѣ можно попытаться поставить передъ собою двѣ сразу. И постепенно выдержанная борьба приучитъ душу къ долговому и творческому напряженію.

Для начала очень полезно приучить себя, на примѣръ, къ систематическому и выдержанному блюденію тайны, столь важному и полезному въ политической дѣятельности вообще; и въ этомъ случаѣ было бы реально полезно не выдумывать какую-нибудь тайну искусственно, а выбрать такое

жизненное положеніе, которое дѣйствительно обязываетъ къ блюденію тайны, напимѣръ, изъ соображеній чести или опасности. Но для начала лучше не связывать себя съ большою тайною *).

Это будетъ уже живымъ и творческимъ дѣломъ воспитанія въ себѣ воли и характера, необходимыхъ для политическаго дѣятеля.

Старый Политикъ.

*) Отъ редакціи. Одновременно съ этой статьей авторъ ея прислалъ намъ списокъ правилъ о томъ, какъ блюсти тайну, и мы охотно даемъ ему мѣсто во второй части нашей первой книжки.